

ДНЕВНИК
БОРИ
АНДРЕЕВА

Свои юношеские записи, сделанные огрызком химического карандаша на угольных шахтах Германии, куда был угнан из псковской деревни, где проводил каникулы, Борис Александрович Андреев держал в специальном шкафчике под «секретным замочком», вместе с немецкими трофеями - биноклем, компасом и фонариком, вспоминает сын Андреева Юрий. И если трофеи отец, ленинградец с Васильевского острова, чья семья пережила блокаду, с лёгким сердцем давал поиграть сыну, то на чтение дневника был наложен строжайший запрет.

«7.05.43. Сегодня умер один из нашей (ленинградской) партии - № 432». Смерти товарищей - лишь номеров в немецких гроссбухах, - чужие побеги, скудные марки, получаемые за рабский труд, унижения надсмотрщиков - он пишет об этом остранённо. Кажется, будто ведёт протокол, пишет не о себе - боится до конца поверить в то, что всё это происходит именно с ним, боится примерить собственную судьбу на себя...

«Отец даже ни разу не рассказывал о том, что пережил, когда был оstarбайтером и затем, после освобождения, на лесоповале в Приуралье, куда был отправлен уже советскими властями: слишком тягостны были эти воспоминания». Страницы дневника - истлевшего и заново переписанного Борисом Александровичем от руки уже в мирное время - сын прочитал только после смерти отца в 2000-м...

После того как Борю Андреева отпустили в отпуск в Ленинград - на этом обрывается дневник, - на лесоповал он уже не вернулся: заботами и хлопотами тётки-блокадницы удалось остаться в городе. Поступил в школу рабочей молодёжи, затем - в электромеханический техникум и всю жизнь проработал инженером-конструктором в «почтовом ящике» в Ленинграде. Дневник впервые увидел свет в 2006 году в книге П. Поляна и Н. Поболя. Сын дал разрешение на публикацию и «Аргументам и фактам»: «Эти страшные события начали сейчас забываться, и относиться к ним стали как-то... - он долго подбирал слова, - нечаяливо, походя. А об этих страницах знать нужно не только родственникам тех, кто нёс бремя войны. Нужно знать всем».

27.4.42. Нас 9 человек, которые должны ехать в Германию: 5 ребят - Николай Тимофеев, Николай Семенов, Иван Парамонов, Сергей Ястребов, я и 4 девушки - Нюра и Нина Муркины, Лена Кильк и Вера Тимофеева (сестра Николая Тимофеева).

Вышли в 9 ч. утра. Вещи положили на телегу. Фотограф, который появился у нас в деревне во время войны, сфотографировал нас вместе с провожающими - почти всей деревней. На Плюссе пришли около 4 часов. Немцы, проверив нас, велели идти к вагонам. Ребят и девушек разделили по разным вагонам. Вагоны товарные. В каждом вагоне по 30-35 человек. Расстелили солому, которая была в вагонах, и расположились. Но поезд не трогался. Так мы переночевали в вагонах, а провожающие нас родные ночевали где-то на станции. (...)

30.4.42. Продолжаем ехать. На одной из остановок на вокзале купил 5 шт. яиц по 30 р. за десяток. Вечером поезд остановился. Ночью нас повели в баню, а одежду дезинфицировали. После бани нас отвели в барак.

1.5.42. Утром дали супу и кофе. Затем нам обменяли советские деньги на немецкие. Вечером нас опять повели в баню. Дав супу, нас посадили в вагоны. Теперь вагоны пассажирские. Ночью переехали Германскую границу. (...)

5.5.42. Переночевав в вагонах, повели в баню. Мылись по 10 человек. Заставляли мыться очень тщательно. Сперва мылись женщины, потом мы.

Днем дали супу, хлеба и колбасы. Затем нас построили и по очереди проставляли на выданных вербовочных листках номера. Мне, как и всем ребятам с нашей деревни, поставили № 1, говорят, что с этим номером возьмут для работы на сельском хозяйстве. (...)

8.5.42. Утром дали баланды. Очень хочется есть. Домашние сухари давно кончились. Пообедав баландой с хлебом, нас повели к поезду. На одной станции сказали, что кто имеет красные бирки - выходить. Нас, 41 человек с красными бирками, пересадили на другой поезд.

Проехав км 20, нас высадили и привели в лагерь. Здесь мы узнали от украинцев, которые были привезены сюда около 3 месяцев назад, что они здесь работают в угольных шахтах. Мы сказали переводчику, что сюда нас привезли ошибочно, что нам, с красными бирками, сказали, что будем работать на сельском хозяйстве, а переводчик сказал, что это всегда так говорят, а привозят на шахты или заводы, так что нас привезли сюда не ошибочно.

Украинцы рассказали нам, что кормят плохо: утром чай, хлеба 300 г, масла 15 г, колбасы 15 г. В обед - баланда, вечером - баланда и 75 г хлеба. Вечером дали баланды и 75 г хлеба.

Лагерь кругом огорожен высокими столбами, обвитыми колючей проволокой. (...)

10.5.42. Часов в 7 утра нас подняли. Позавтракав, построили, пересчитали. Посадили в грузовик. Привезли на шахту. Выдали каждому шахтерскую лампу (аккумуляторную) и по несколько человек в лифте спустили в шахту. Пока мы шли до лифта, на каждом повороте нас останавливали и пересчитывали - боялись, что кто-нибудь убежит.

Опустились на 300 метров (так я слышал). Километра 3 проехали в вагонетках. Потом шли пешком с километр. Наконец пришли на место. Вкарабкались в низкий, узкий, наклонный длинный коридор, где и добывается каменный уголь. Здесь нас распределили по немцам. К каждому немецкому шахтеру прикрепили русского.

Наша работа заключалась в том, что лопатой откидывали уголь на решетки (конвейер). Немец работал отбойным молотком. (...)

11.5.42. Утром подняли в 3 часа. С сегодняшнего дня порция хлеба увеличена. Утром 500 г хлеба, 30 г масла, 30 г колбасы. В обед - баланда и вечером 100 г хлеба и баланда. Работали там же.

Наш лагерь находится недалеко от г. Саарбрюкен. Работаем на шахтах Готельборн и Виктория. (...)

31.5.42, воскресенье. Больным приказали собирать свои вещи. В 11 часов 27 человек, больные и пожилые, были отправлены из лагеря, едут домой, как сказали. (...)

16.6.42. Сегодня я работал с другим немцем. Немец оказался очень вредным: орет на меня, заставляет свой и мой инструмент нести меня.

19.6.42. Работаю все с тем же немцем. Не знаю, как от него избавиться. Сегодня решил пойти к доктору, пожаловаться на зрение, чтобы он перевел меня работать на поверхность, но он сказал, что глазного врача нет, и оставил меня работать в шахте. (...)

18.7.42. Сегодня мне досталось как следует плеткой. Приехав ночью с шахты в лагерь, я прилег на койку в ожидании ужина и нечаянно заснул. В это время в комнату зашел полицай-немец и разбудил меня плеткой. (...)

21.8.42. Вчера один умер. Он работал на поверхности. Нужно было нагрузить 50 вагонеток угля. Из-за слабости он не мог работать. Немцы стали его бить, и в лагерь его принесли на руках, здесь он и умер.

Время, проведённое на принудительных работах в Германии, для Бори было, пожалуй, самым драматическим периодом в жизни. О нём он рассказал только своему дневнику и никогда ни словом не обмолвился об этом со своими родными и близкими.

Фото из личного архива П. Поляна.

Сегодня убежало 5 человек.

Давали получку за июль. Я получил 26 марок.

Вечером удалось закосить (получить) 2-ю порцию супу. (...)

2.9.42. Ночью, когда мы приехали в шахты, налетели американские самолеты. Нас подняли с коек и повели в бомбоубежище. Народу было человек 700, и через некоторое время стало душно, не хватать воздуха. Некоторые не могли стоять и падали. После тревоги часа через 2-2,5 нас пустили в бараки. (...)

30.9.42. На работе немец дал мне горбушку хлеба и 2 груши. Я показал ему фотографии отца, матери и сестры. (...)

25.10.42, воскресенье. Сегодня всем выдали печатные письма, которые мы должны послать родным с запросом зимней одежды. Выдавали письма от родных. Написал письмо тете Поле. (...)

12.12.42. Несколько дней назад одному украинцу пришло письмо от товарища, убежавшего из лагеря. Он пишет, что благополучно добрался и живет дома. Шел только 4 дня, а потом сел на поезд и доехал до своей станции. Получивший это письмо через 2 дня убежал, но его сразу же поймали. (...)

23.12.42. Сегодня в лазарете умер один парень, из нашей - ленинградской партии. (...)

30.1.43. Вчера в шахте один немец мне рассказал, что в Сталинграде очень много окружено немцев. Сильно бомбят наши самолеты. Вообще на всех фронтах немец отступает. Сегодня утром по радио говорил Гитлер.

2.2.43. Сегодня в обед все отказались есть баланду. Комендант лагеря через переводчика спросил, почему мы не едим. Мы сказали, что такую баланду не дают даже свиньям, а вы людям даете. Комендант сказал, что через дня 2-3 привезут картошку.

В шахте одному парню сломало ногу.

3.2.43. Сегодня дали обед из трех блюд: вареная брюква, вареная трава какая-то и жидкая подливка - все отдельно. Никто не ел. Тогда полицейские стали ходить по рядам столов и плеткой заставляли есть эти «блюда». (...)

19.2.43. Немец продолжает отступать. Наши отвоевали большую часть территории. Взятые города Ростов, Орел, Харьков, Воронеж, наши приближаются к Киеву. Немцы понесли большие потери под Сталинградом. Гитлер и его помощники призывают рабочих напрячь все силы,

чтобы помочь армии. Работать по 10-15-18 часов в сутки. В лагере убрали радио в полицейской комнате. (...)

3.3.43. Сегодня я получил открытку из дома (деревни). Пишут, что живут по-старому. О девочках, с которыми мы уехали в Германию и с которыми мы расстались в Меце, ничего не известно. Просят меня поискать их, но как я могу искать. (...)

19.3.43. Из лагеря убежали 5 человек.

22.3.43. 4 человека вернулись в лагерь сами. (...)

4.7.43. Взвешивали. Я вешу 56 кг (мой рост 175 см). (...)

6.8.43. Получил посылку от тети Поли - сухари, письма. (...)

10.8.43. Получил вторую посылку от тети Поли. В посылке брюки, шапка, шерстяные носки, перчатки. (...)

25.10.43. Работаю на ленте (на очистке угля от породы). Дал немцу, который работает со мной, 10 сигарет. Он мне дал граммов 200 хлеба. Приехало 150 человек новеньких.

30.10.43. В уборной повесился один из новеньких. (...)

23.1.44. Не работали. Дезинфекции опять не было, а вши так и кишат. Получил от наших девчат письмо. Пишут - живут хорошо. (...)

10.2.44. Сегодня в шахте немцы убили пигелем (киркой) одного русского за то, что он ослаб и не мог как следует работать лопатой. (...)

На шахте Готельборн было собрание русских рабочих шахты. На нем объявили, что кто будет лениво работать или вести себя недисциплинированно, тот будет отправлен в штрафное отделение. Уже несколько человек попало в это отделение. Оно находится в отдельном бараке при лагере. Люди работают на тяжелом участке. В нерабочее время их заставляют производить уборку помещений, мыть полы и т. п. Отдыхать не дают.

Приставлено 2 новых полица. В остальных бараках стало тоже очень строго. За неправильно заправленную постель направляют на 8 суток в штрафное отделение.

Баланду продолжают варить из одной сушеной капусты. (...)

23.4.44. Воскресенье. Работали. Наступает весеннее время. Тянет на волю. Из лагеря убегают почти каждый день. В субботу из нашей комнаты убежал один пожилой уже мужик. Его поймали. Ночь отсидел в карцере, а днем опять убежал. (...)

7.6.44. Сегодня объявили, что выход из лагеря воспрещен. Ходят слухи, что англичане высадили десант в Германии. (...)

6.9.44. В 2 часа утра нам сделали подъем. Сказали собрать свои вещи, выдали хлеб и машиной увезли на станцию. В 10 часов нас погрузили в эшелон и повезли. В пять часов вечера высадили и повели. Человек 200 отделили и поместили в находящийся там лагерь, а нас повели дальше. Наконец привели в какой-то лагерь. Никого там не было. Пока затопили котлы и сварили еду, прошло еще часа 2. Есть нам дали только в 11 ч. вечера. (...)

11.9.44. Подъем в 5 ч. утра. Выдали хлеба и повели на станцию. Привезли в город Форбах. Затем нас привели в загороженный в два ряда колючей проволокой лагерь. В нем живут поляки. Раньше они работали у бауэров (хозяев) - на сельском хозяйстве, а сейчас здесь работают на окопах.

Коек здесь на всех не хватает. Спим на полу. Полно у всех вшей. В деревянных койках полно клопов, спать невозможно. (...)

2.12.44. Выдали по буханке хлеба и повели колонной по шоссе в направлении г. Цвайбрюкен. Шли весь день и ночь. Я сильно истер ногу, отстал от колонны и устроился на остаток ночи под крыльцом одного дома. Утром пошел дальше один. До Цвайбрюкена оставалось 12 км. Я зашел в один дом, попросил спичек и в лесу сварил картошки. За 2 км от Цвайбрюкена переночевал. (...)

8.12.44. Пришел в Пирмазенс. Здесь встретил двух ребят, тоже отбившихся от колонны. Зашли в одно село (Кетришхоф), где работают русские на окопах, и стали там жить.

18.12.44. Перевели из Кетришхофа в Петербург. Работаем также на окопах. Спим в одном здании на полу. Заедают вши. Вшей так много, что я снял нижнюю рубашку, вышел во двор и стал их сбрасывать на снег. Снег стал серым от них. (...)

19.3.45. Утром часов в 5 нас повели дальше. Когда рассвело, над нами стали летать английские самолеты. Нас продолжали вести колонной. Асфальтовая дорога вся изрыта пулями. В придорожной канаве видели сидящего на корточках человека с рюкзаком на спине и без головы. Видно, разрывная авиационная пуля попала ему в голову. Мы продолжали идти. Дорога шла через лес. Я шел в начале колонны. Вдруг сзади застрочил пулемет. Все бросились в стороны, в лес. Я перепрыгнул через канаву, забежал в кусты и лег там. Самолеты поочередно заходили в пике и стреляли из пулеметов. Я лежал и каждую секунду ждал смерти. Вокруг дымились сухие листья от пуль. Наконец самолеты улетели.

Многие из оstarбайтеров (восточные рабочие, так их называли немцы) не вернулись домой. Указание сверху было такое: «Все рабочие должны получать такую пищу и такое жильё и подвергаться такому обращению, которые бы давали возможность эксплуатировать их в самой большой степени при самых минимальных затратах». Тысячи умирали.

Фото РИА Новости.

Стало тихо. На свисток конвоира стали собираться. Несколько человек было убито, некоторые ранены.

Мы, четверо с одной шахты, решили колонной не идти и остались в лесу. Самолеты летали до самого вечера. Когда стемнело и перестали летать самолеты, мы пошли дальше. Шли всю ночь. Когда стало рассветать, мы двое, я и один паренек Вася, зашли в лес и целый день спали. Но самолеты не давали покоя. Около нас, метров в 100, разорвалась бомба. Мы лежали под валуном, и поэтому нас осколки не задели, только небольшой камень ударил мне по ноге. (...)

23.3.45. Утром одна хозяйка дала нам поесть: кофе и хлеб с вареньем. Вечером пошли в другое село. Набредли на лагерь с русскими военнопленными. (...)

30.3.45. Утром ходили в село. В магазине купили хлеба без карточек и пошли обратно в свой подвал. Била сильно артиллерия. Недалеко от нашего пристанища сел американский вертолет. Группа французов и мы с Васькой пошли к нему приветствовать американцев. Но летчики нас близко не подпустили. Сперва они спрятались за вертолет и направили на нас оружие. Один француз вынул свой платок и стал им махать. Тогда летчики стали махать рукой, чтобы мы уходили. Мы ушли. Вечером появились американские танки.

31.3.45. По шоссе двигаются танки, бронемашины и автомашины с американскими солдатами. (...)

3.4.45. Решили отправиться обратно за Рейн, но по дороге нас задержали американские патрули и на машине привезли в г. Мангайм в русский лагерь. Ребята здесь не работают. Ходят по разбитым домам, достают себе шмотки и разную еду. Ожидают отправки на родину. (...)

5.5.45. Ходят слухи об окончании войны. (...)

11.5.45. Сегодня в соседнем лагере расстреляли одну русскую женщину. Она при немцах служила в Гестапо, допрашивала и била русских. Судили ее и расстреливали русские. (...)

5.6.45. Сегодня нам сообщили об отправке на сборный пункт г. Мангайм. Собрав вещи, мы пошли к школе, откуда на машинах нас привезли в лагерь Мангайм-Кафертиль.

7.6.45. Был концерт и американский кинофильм. Объявили, что завтра утром отправка на Родину. (...)

10.6.45. Ночью с нашего вагона пропал один парень. Утром нам сказали, что его «убрали» за то, что он при немцах был в их армии и рас-

стреливал партизан. На станции Гримма поезд остановился. На автомашинах нас привезли к мосту реки Эльба. По мосту мы перешли на другую сторону реки, где нас встретили наши.

Здесь же я расстался со своим другом Васькой (фамилия Куватов, кажется, башкир), с которым вместе жили около полугода. Расстались из-за того, что он был, оказывается, военнопленным, а военнопленных здесь отделили от нас. (*Фильтрацией (политической проверкой) гражданских лиц занимался НКВД, а фильтрацией военнопленных - военная контрразведка СМЕРШ. - Прим.*)

Отсюда нас привезли в город Ризу, а отсюда пешком направили в лагерь за 6 км от города. В лагере нас зарегистрировали, разбили по 100 человек и направили в бараки, где ночевали. (...)

29.6.45. Встали в 5 ч. Сделали км 18, позавтракали и отдохнули. В 4 часа капитан сделал нам информацию о присвоении т. Сталину И.В. звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Присвоение звания «Генералиссимус» с вручением второго ордена «Победа».

После политинформации пошли дальше. Шли до 9 ч. вечера. (...)

21.7.45. Вышли в 4 часа. Шли до 11 часов, сделав км 30. Проходя по деревням, женщины и старики встречали нас, некоторые плакали. В 18 часов после отдыха прошли еще 7 км и остановились у Государственной границы СССР на ночлег. (...)

2.9.45. Воскресенье. До обеда отдыхали. После обеда по тревоге пошли в расположение батальона. Помылись в бане. После бани раздавали письма. Я получил сразу 2 письма: из дома и от тети Поли. Большая радость. Мама пишет, что они все живы и здоровы. Тетя Поля пишет, что деревня сожжена, Николай Семенов приехал домой. Неделю жил дома, потом взяли в армию. (...)

21.11.45. К нам на участок приехали из Особого отдела. Всех будут опрашивать. (...)

28.11.45. Прошел Особый отдел. Записали все подробно с выезда из Ленинграда до освобождения американцами. Подписался раз семь и приложил отпечаток указательного пальца правой руки. (...)

23.8.46. Сходил в Чермоз за костюмом. Завтра уезжаю домой - в Ленинград.